

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Советская орфография: предыстория, программы, реализация¹

Soviet orthography: background, programs, implementation

ABSTRACT: The article is devoted to the orthographic reform of 1917-1918 and the cultural and historical context in which it was prepared. The era between the reign of Alexander II and the revolution is characterized by a broad public debate about a wide range of reforms. During these decades, a mass of various reform projects appeared. It is in this context that projects of simplification of Russian orthography should also be considered. The issue of simplification of orthography was first raised by the teachers, complaining that teaching children orthographic rules took almost the entire academic time. In the course of this discussion, positions of both reform advocates and their opponents were formed. Then public and academic institutions developing the reform project began to arise. The projects of “simplified” orthography, which resulted from the reform”, in practice meant its approach to a variety of “national” orthography systems. In the first years after the revolution, many of the projects discussed before the revolution were realized. The orthographic reform was among them. The new norm was much more rigid and brooked no exceptions, unlike the pre-reform one.

KEYWORDS: History of the Russian language, orthography reform, orthography, graphics, social modernization, revolution

1. Реформа орфографии в ряду других модернизационных и демократических преобразований российского общества

Традиционно реформа орфографии рассматривается исследователями как некоторый изолированный процесс [см.: Григорьева 2004]. При этом в центре внимания оказывается лингвистическая сторона вопроса, в то время как социальный аспект практически не учитывается. Между тем из перспективы сегодняшнего дня хорошо видно, что эта реформа находится в общем ряду проектов социальной модернизации и демократизации российского общества второй половины XIX — начала XX в. Говоря о социальной модернизации, мы имеем в виду практически бесконечный ряд проектируемых реформ и преобразований, которые в общественном сознании ассоциировались

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект 17-29-09018.

Французскую версию этой работы см.: L'orthographe soviétique: prémices, programmes, mise en œuvre // Revue des Études Slaves. Paris. LXXXVII/1-2, 2017. p. 51-67.

с прогрессом. Некоторые из этих проектов были реализованы после Февральской или Октябрьской революции, Другие так и остались проектами. Реформа орфографии оказывается в одном ряду с такими модными на рубеже эпох идеями, как ликвидация неграмотности и сжигание трупов, эмансипация женщин и освобождение церкви от опеки государства и т.д.

Судьба подобных сюжетов оказывается поразительно похожей. Все начинается с отдельных полемических выступлений, статей и проектов. Затем появляются общественные объединения, проводятся собрания и съезды. И, наконец, после Февральской или Октябрьской революции часть предложенных ранее проектов реализуется. С некоторыми вариациями эта схема прослеживается в реформах, относящихся к самым разнообразным сферам общественной жизни. В качестве иллюстрации этого положения скажем о таких общественно значимых темах, как введение всеобщего начального образования, кремация и равноправие женщин.

Идея введения всеобщего начального образования активнейшим образом обсуждалась начиная с последней четверти XIX века. Всеобщее образование предполагало распространение на все общество несколько упрощенного варианта культурного стандарта господствующих сословий. Основное препятствие к подобной унификации общество видело в том, что начальные школы принадлежали более чем 30 различным ведомствам [Балашов 2003: 10-11], что затрудняло внедрение единых программ и концепций. Для обсуждения этой проблемы создавались различные неформальные объединения, печатались статьи и сборники, проводились собрания и съезды. Практическая реализация этой программы началась при Временном правительстве с передачи Министерству народного просвещения всех школ духовного ведомства, в том числе и самых массовых — церковно-приходских. А реализовали эту программу уже после Октябрьской революции в ходе известной кампании по ликвидации неграмотности.

Идея замены традиционного погребения кремацией начала обсуждаться в России в конце XIX века (первый публичный доклад о кремации был прочитан в 1899 году на собрании Российского общества архитекторов). В 1906-1907 гг. инженер Московской городской управы Иван Лавров отправился в командировку по крематориям Европы, результатом которой стала книга, посвященная устройству и технологическому оснащению европейских крематориев [Лавров 1908]. Позже проект введения кремации обсуждала Петербургская дума, а затем и Министерство внутренних дел. Поскольку Церковь выступала противником кремации, традиционалистски настроенная часть общества отказывалась принять это новшество. 7 декабря 1918 г. Совет народных комиссаров выпустил декрет «О кладбищах и похоронах», в котором кремация была объявлена вполне законным способом погребения.

Женский вопрос в России появился под влиянием движения суфражисток и, конечно же, относился к числу тем, актуальных для реформаторски

настроенной части российского общества. Круг проблем, обсуждаемых в связи с женским вопросом, был очень широк — от избирательного права и права на работу, до легализации аборт и моральной допустимости использования средств контрацепции. В начале века женское движение стало приобретать организованные формы: в 1909 г. прошел Всероссийский женский съезд [Труды I-го Всероссийского женского съезда 1909]. Большая часть того комплекса вопросов, которые ставило это движение, была решена (по крайней мере, на законодательном уровне) в первые послереволюционные годы.

Эти короткие экскурсы были необходимы нам для того, чтобы показать, что споры о русской орфографии входили в куда более широкий контекст споров о путях социальной модернизации российского общества. Участники дискуссий о русском правописании оценивали необходимость изменений (или вред этих изменений), исходя скорее из своих политических предпочтений, чем из существа вопроса. Отношение людей к реформе орфографии делило их на два лагеря: сторонников демократических преобразований в обществе и консерваторов, отстаивающих существующее положение вещей как незыблемое и неподлежащее изменениям. В словах «реформа орфографии» хорошо слышали первое слово и почти не слышали второго. Академик Ф. Е. Корш в связи с этим писал:

Сочувствие большинства читателей к той или другой стороне обуславливается причинами более или менее субъективными: одни, твердо усвоившие себе школьные правила о букве *ѣ*, смотрят на нее как на палладиум цивилизации и в написании «седло» или «цвель» видят вторжение варварства, а другие, не столь памятливые или более склонные к писанию безо всяких стеснений, как попало, рады всякой реформе, которая снимет с них ненужные, по их мнению, путы. И то, и другое основано на прискорбном недоразумении, зависящем от того, что читатели, сторонники того или другого направления, одинаково мало вдумывались в вопросы, что такое правописание и каково оно у нас [Корш 1902: 38].

2. Контексты орфографической реформы

Идея упрощения русской орфографии возникла в связи с активизацией обучения грамоте в последней четверти XIX века. Трудности, с которыми сталкивались учащиеся при усвоении орфографических правил, заставляли педагогов задуматься об упрощении этих правил. На протяжении 30 с лишним лет аргументы и идеи, которые высказывали сторонники орфографической реформы, почти не менялись.

К числу наиболее популярных аргументов сторонников реформы относилось утверждение, что изменение орфографии упростит процесс школьного обучения грамоте и это приведет к экономии времени на уроках русского языка. Время, высвободившееся от зазубривания правил употребления

буквы «ять», можно будет использовать для развития более полезных навыков, таких, как умение читать и пересказывать текст, вести дискуссию, письменно выражать свои мысли и т. д. Эти мысли обнаруживаются в огромном количестве статей и заметок, которые учителя русского языка публиковали в периодических изданиях. Группа калужских учителей вопрошала:

Не лучше ли же вместо бессодержательных упражнений на употребление буквы «ять» заняться с учениками хотя бы стилистическими упражнениями и дать им навык, действительно полезный и необходимый, ясно излагать свои мысли, так как жалобы на то, что кончившие курс народной школы не могут толково написать письма, к сожалению, вполне справедливы» [Неделя 1895: 1494-95].

В отчете Педагогического общества при Новороссийском университете, которое провело анкетирование среди учителей начальных школ, говорится, что учителя «единогласно сочувствуют упрощению современного русского правописания, причем некоторые с особой скорбью говорят об этом важном и даже наболевшем в нашей школе вопросе». Здесь же отмечалось, «что современное правописание тормозит достижение других более важных задач школы, например, мешает изучению русского языка и наработке искусства устного и письменного изложения» [Доклад 1902]². В письмах учителей в редакцию журнала «Для народного учителя» отмечалось, что самыми нелюбимыми в начальной школе были занятия, относящиеся к курсу словесности: славянское чтение, диктант, списывание текста, что было связано с «начетническим» характером занятий [Голос учителя 1914 / 3: 43]. В 1914 г. Первый всероссийский съезд по народному образованию публикует в том же номере журнала резолюцию секции «О методах преподавания в начальной школе» [Резолюции 1914: 13]. Здесь прямо декларируется, что задача уроков русского языка связана с обучением орфографии в последнюю очередь: «Одной из основных задач изучения родного языка должно быть развитие творческих начал в душе ребенка и умение выражать это творчество правильной речью, как устной, так и письменной» [id.].

Параллельно с предложениями по упрощению правописания обсуждался вопрос об изменении отношения к грамотности. В ряде публикаций мы обнаруживаем сообщения о том, что учителя народной школы перестали снижать оценки из-за низкой грамотности. Причем такая практика характеризуется как нечто прогрессивное и положительное [id.: 14]. Высказывания учителей, публикуемые в периодической печати, свидетельствуют о том, что очень многие видели в орфографии социальный барьер, препятствующий получению образования выходцами из низших сословий. В понижении требований к знанию орфографии педагоги видели возможность социального

² Доклад Комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск, <б.д., не ранее 1903>. На правах рукописи. С. 1-2

лифта, перспективу выравнивания стартовых условий для детей разных социальных групп. Однако идея снизить требования не была столь однозначной. С одной стороны, игнорирование орфографии позволяло учителям сосредоточиться на развитии других языковых навыков учащихся, но с другой — как это ни парадоксально — закрепляло то самое социальное неравенство, против которого боролись учителя народной школы. Не умея грамотно писать, закончившие начальную школу крестьянские дети заведомо были не в состоянии сдать экзамены, необходимые для продолжения образования. Именно поэтому орфографическая комиссия Новороссийского университета, основываясь на анкетах учителей, указывала, что снижение требований к правописанию должно затронуть все учебные заведения, так как в противном случае у выпускников народных школ возникли бы серьезные проблемы при поступлении в среднюю школу [Доклад: 1-2]³.

Любопытно, что в качестве прецедента сторонники изменения орфографии ссылаются на деятельность солунских братьев. К именам Кирилла и Мефодия апеллируют для того, чтобы показать, что изменение алфавита может стать стимулом для развития национального языка и грамотности. На имя Кирилла ссылается в своем докладе на первом заседании Орфографической комиссии 1904 г. П. Н. Сакулин⁴, говоря о том, что тот не побоялся дополнить греческий алфавит буквами ъ и ѓ, которые обозначали звуки славянского языка. Докладчик полагал, что, продолжая дело Кирилла, следует теперь исключить эти буквы, поскольку они не обозначают особых звуков [Сакулин 1905: 37]. О деятельности славянских первоучителей говорил в своей речи на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка в средней школе, проходившем в 1917 году, и академик А. А. Шахматов. Он указывал на то, что сам опыт славянских первоучителей демонстрирует возможность и полезность разрывать в определенных случаях с существующей традицией см: Григорьева 2004: 110. Обращение к авторитету солунских братьев очень показательно. Дело в том, что в России, как и в остальном славянском мире, о Кирилле и Мефодии вспомнили лишь в 60-е годы XIX в., когда, кстати сказать, начинают возвращаться в богослужебную практику и службы равноапостольным братьям [Кравецкий 2013: 244-45]. На опыт Кирилла и Мефодия ссылались часто, однако в данном случае эти ссылки отличалось определенной амбивалентностью. Сторонники реформ вспоминали о реформаторском характере деятельности просветителей славян, а охранители призывали сберечь наследие Кирилла и Мефодия.

Излишне говорить, что идея орфографической реформы имела не только сторонников, но и противников. Подавляющее большинство противников

³ Доклад Комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск, <б.д., не ранее 1903>. На правах рукописи. С. 1-2.

⁴ В дореволюционных изданиях эта фамилия пишется с двумя к: Саккулин, а в послереволюционных — с одной к: Сакулин.

реформы исходили из общих консервативных установок и видели в изменении правил правописания покушение на русскую культуру. Однако была и содержательная критика. Противники отказа от букв *i*, *ѣ*, а также *ь* на конце слова утверждали, что при усвоении грамоты люди запоминают визуальный образ слова, а не пишут со слуха. Поэтому проникновение фонетического принципа в правописание будет только мешать школьнику, учащемуся писать, ведь детей уже в начальной школе заставляют не столько правильно писать, сколько заучивать правила и потом применять их на письме:

Ученики по буквам ищут слово, а не в слове ищут знакомые буквы. Совершенно не изощряется сила зрительного анализа у детей, ибо работа не исходит от видимого слова как целого, а, напротив, изощряется сила синтеза (слияния) основанного исключительно на слуховых представлениях. Подобным образом и при обучении письму все усилия употребляют на то, чтобы создать у детей привычку строить письменное слово по слышимым звукам, по слову. Произноси слово, слушай его звуки, записывай их и выйдет письменное слово — вот правило звукового письма. Не приучают думать о целом слове, прежде чем написать его и считают досадными и «трудными» все случаи, когда необходимость все-таки заставляет представить сначала целое слово [Мироносицкий 1917: 7-8].

Орфографический образ слова оказывается при этом совсем не важным. Библиеист А. В. Михайлов в книге, посвященной преподаванию русского языка, указывал на то, что школьные правила не предлагают работающего алгоритма порождения грамотного текста. Имеется большое количество исключений, то есть случаев, когда нормативное написание противоречит правилам школьной грамматики. Ученикам приходится запоминать огромные объемы несистематизируемой информации. По мнению Михайлова, запоминать следует только орфографический облик слова, обращать внимание на то, как слово пишется, а не почему оно пишется так или иначе. То есть с его точки зрения изменять нужно систему преподавания русского языка, а не проводить орфографическую реформу [Михайлов 1911: 246]. Противники реформы указывали также и на то, что переход на новую орфографию отдалит русский язык от церковнославянского. После перехода на новое правописание крестьянину будет труднее читать Часослов и Псалтырь — наиболее популярные в крестьянской среде книги [Мироносицкий 1917: 12].

Исключение ряда букв, полагали противники реформы, приведет к тому, что многие омонимы и формы слов не будут различаться на письме (например, *миръ* и *міръ*, *сѣла* — глагол и *села* — сущ. мн.). И вообще упрощение орфографической системы является ее деградацией [Николаев 1918: 5-8]. Аргументом в пользу сохранения букв *ѣ* и *і* было то, что они имеют элементы, выходящие за границу строки, а значит, их исключение сделает печатный текст более монотонным, утомительным и трудным для чтения [ibid.: 26].

Кроме двух радикальных позиций (реформаторской и консервативной) существовали и проекты умеренных реформ, сводящихся к частным исправлениям той системы, которую кодифицировал Я. К. Грот. В качестве примера укажем на К. Иеропольского, который критиковал фонетическую орфографию, поскольку она не учитывала диалектных различий. Он полагал, что универсальную фонетическую орфографию создать невозможно, поскольку система, опирающаяся на произношение одного диалекта, не будет работать для другого. Он предложил собственный проект упрощения письма, который включал четыре пункта: Вместо *ѣ* он предлагал писать *e*, вместо *і* писать *и*, окончания прилагательных *-ые*, *-ья* заменить на *-ьи*, вместо формы *онѣ* писать *они* [Иеропольский 1916].

Параллельно с подобными обсуждениями предпринимались любительские попытки издания текстов с использованием радикально реформированной авторской орфографии. Эксперименты такого рода следует рассматривать не только в связи со спорами о народном образовании и упрощении орфографии, но и с популярным на рубеже веков движением за создание всемирного языка и, как следствие, за сближение между собой языков и алфавитов. В этой связи показательной является брошюра Ф. В. Езерского «Народная русская азбука», интересный образец дилетантского орфографического творчества. Сам Езерский был не филологом, а руководителем курсов счетоводов в Петербурге. Однако захваченный идеей всеобщего языка и общей для всех народов азбуки, он предпринял попытку создать такой алфавит

Ныне забота о насущном отодвигает умы ко всеобщей грамотности, к знанию языков, наук, техники. Ныне народы всего мира нуждаются в новом просвете: вырастает насущная потребность в знании наук. Науки ныне дают хлеб насущный. И этой новой насущной потребности жизни всех народов должна послужить прежде всего другого простая народная азбука, простой алфавит [Езерский 1914: 13].

В своей азбуке Езерский объединяет кириллические и латинские буквы, таким парадоксальным образом отстаивая, с одной стороны, самобытность русского правописания, а с другой — возможность и необходимость универсального алфавита, понятного всему человечеству. Алфавит Езерского дополнялся большим количеством диакритических знаков: в частности, при помощи верхней точки обозначалась мягкость согласного. Эти орфографические опыты были опубликованы в виде отдельной брошюры, где, кроме самой азбуки, была напечатана небольшая хрестоматия, содержащая ряд классических стихотворений, набранных в соответствии с постулированными автором принципами. Вот как в новой авторской орфографии должно было выглядеть стихотворение Языкова «Гора» [ibid.: 22]:

Vzoi`du von na etu bezlèsnuu goru.
 Что ви·ше окруjни·х подоблачни·х гор:
 Душе там otradno I volno, a vzoru
 Ottuda — velikii ~ чудesni·i ~ prostor.

Книга Езерского — далеко не единственный образец частного орфографического творчества. Личных опытов реформирования алфавита было довольно много. В 1889 году в Одессе вышла брошюра профессора Новороссийского университета Л. Ф. Воеводского [Воеводский 1898]. Как видно уже из названия, которое приведено в оригинальной орфографии, автор оставлял букву ъ на конце слова. При этом он удалял «ять» и «фиту» и предлагал писать *h* (для г-фрикативного) в словах *Господь*, *Бога*, *когда* и под., а после шипящих и *ц* всегда писать *и*. Книга была целиком набрана в той орфографии, которую пропагандировал ее автор.

Еще один орфографический эксперимент находим в брошюре А. Г. Герасимова с претенциозным названием «Подарок неизгнанного неба «Рожок-сам-гудок» или новые песни, новые речи, новая грамота» [Герасимов 1901]. Герасимов предлагал ввести особую букву для обозначения мягкого *ж*, (*ж* с хвостиком, как у *ц*), вместо *ё* использовать букву *ε*, «так как начертание *ё* по своей отрывчатости при письме и пестроте при чтении не вошло в общее употребление» [ibid.: 11], исключить буквы «и-десятеричное», «ять» и «фиту», местоимение *что* записывать как *што* и др. Предисловие, объясняющее авторскую концепцию, было напечатано в традиционной орфографии, а тесты хрестоматии, включающие народные поговорки, песни и т. д., были напечатаны в экспериментальной орфографии.

Излишне говорить, что опыты подобного рода не имеют никакого отношения к работам Р. Ф. Брандта, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртене и других ученых, работавших над проектом орфографической реформы. Они лишь демонстрируют, что идеи орфографической реформы вышли далеко за пределы сообществ учителей русского языка и академических филологов.

3. Стандартная и народная орфография

Нормативная орфография, об упрощении которой размышляли учителя, филологи и энтузиасты, сосуществовала с орфографической практикой грамотных крестьян. Для сельских учителей не было секретом, что грамотные крестьяне писали не так, как их учили в школе. Учителя постоянно сталкивались с тем, что ученик удачно сдавал выпускной экзамен в четырехлетней школе, а потом, уже буквально через год, забывал все правила и писал как-то по-другому. Эта особая крестьянская орфография привлекла в свое время внимание В. А. Богородицкого, описавшего этот феномен в статье «Изуче-

ние малограмотных написаний». Сама идея о том, что так называемые «неграмотные написания» могут иметь какие-то принципы и закономерности, была совершенно новаторской [Богородицкий 1901]⁵.

В. А. Богородицкий указывал на то, что крестьяне, даже прошедшие курс начальной школы и знающие правила орфографии, совершенно сознательно минимизировали в своем письме употребление букв *ѣ* и *і*:

Один грамотник вовсе не писал буквы *ѣ*, а между тем произносил ее, читая печатные книги. Чтобы убедиться, знаком ли он с рукописным начертанием этой буквы, я написал ее и спросил, знает ли он эту букву; оказалось, что знает. Тогда я полюбопытствовал узнать, почему он не пишет этого знака. Наш грамотник отвечал, что он пишет попросту, без этой буквы, и многие так пишут, в печатных же книгах буква эта употребляется. Также он говорил и про букву *і*, которая тоже не встречалась в его написаниях [ibid.: 4].

Богородицкий указывает и на отсутствие в народном письме буквы *ѣ* и использовании вместо нее *и* [ibid.: 4-5], а также замечает: «В одной серии малограмотных писем я встретил два знака для гласного е: *ε* и *е*, первый знак употребляется в начале слова, второй в середине и конце [ibid.: 5]. В связи с этим наблюдением следует отметить, что подобное распределение вариантов буквы *е* характерно для церковнославянской орфографии, где противопоставляется *е*-узкое и *е* широкое.

Можно утверждать, что в народной среде было свое представление об орфографии. Свидетельством тому являются не только наблюдения Богородицкого над письменной практикой крестьян, но и лубочные листы, воспроизводящие тексты, изначально написанные в стандартной орфографии. Поскольку лубочные тексты были адресованы простому читателю (основными читателями лубка были горожане, не принадлежащие к образованным слоям общества, и крестьяне), и изображение, и текст должны были соответствовать народному вкусу [Рейтблат 2001: 157; Гриц / Тренин / Никитин 2001: 13-20]. В тех же случаях, когда подпись воспроизводила фрагмент книги или газетную статью, систематической правке подвергался не текст, а орфография см. подробнее: Плетнева 2013: 81-80; 106-110.

Орфографические изменения легко проследить, обратившись к лубочным воспроизведениям газетных заметок. Сравнивая лубочные листы с оригиналом, можно увидеть, что в процессе адаптации происходит частичная замена *ѣ* на *е*. Стремясь избавиться от буквы *ѣ*, лубок делает это непоследовательно, но при этом обратное исправление: *е* на *ѣ* — практически не встречается. Для лубка характерно правописание буквенных сочетаний *-ие*, *-ия*, *-ию* через «и-восьмеричное», при том что в оригинале они, разумеется,

⁵ В начале статьи Богородицкий благодарит своего учителя проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, который передал ему свои материалы для данной работы.

писались через «і-десятеричное» и ряд других написаний, отличающих лубочные листы от газетного оригинала [Плетнева 2016].

Лубочные перепечатки газетных тестов относятся ко второй половине XVIII в., но мы можем с уверенностью сказать, что и в конце XIX в. народная орфография была устроена также. Анализ крестьянских писем конца XIX в. показывает, что орфография этих текстов имеет те же особенности, что и лубочные тексты, напечатанные за сто лет до этого [Йокояма 2014 / II: 305-330]. А в тех местах, куда советская власть и кампания по ликвидации неграмотности не добрались, эта практика сохранялась и в XX веке, и в XXI в. Так, письма отшельницы из семьи старообрядцев-беспоповцев Агафьи Лыковой имеют орфографические особенности, сходные с теми, что мы видим в лубочных текстах и с орфографией в крестьянских письмах [Толстова 2010: 114-127]. Во всех этих одновременных источниках мы видим сокращение, по сравнению со стандартной орфографией, сферы употребления *ѣ* и *і*.

Решение вопроса о том, какие буквы в дуплетных парах *ѣ-е* и *и-і* следует исключить был, как известно, решен в соответствии с принципами народной орфографии. При этом если исключение *ѣ* с заменой его буквой *е* предлагалось во всех известных нам проектах, то вопрос о выборе между *и* и *і* в разных проектах мог решаться по-разному. Если орфографическая комиссия при Педагогическом обществе Московского университета выступала за сохранение *и*, то орфографическая Комиссия Новороссийского университета стояла за сохранение буквы *і*. Аргументировалось это следующим образом:

Отдавая вопреки решению Московского общества предпочтение букве *і* перед буквой *и* Комиссия имела в виду два соображения: а) первое и главное: четкость письма от присутствия надстрочной точки увеличится, между тем как проектированное единообразное употребление буквы *и* только бы затруднило чтение рукописного текста, особенно в таких сочетаниях букв, как ишиш, шиш, шии, иши, ши, иш: лишиш (ср. лішіш), слышиш (ср. слышіш), старшии (но старшіі = современному старшіе), пиши (ср. піші), киши (ср. кіші), киш (ср. кіш); б) кроме того буква *і* сближает русский алфавит с западноевропейским, а буква *и* отдаляет [Доклад 1902: 3].

Букву *і* предлагалось сохранить и в проекте «Упрощенной русской азбуки», составленном К. А. Сорокиным. Выбор объяснялся так: «Из букв *и-и-ѣ* я принял *і*, так как *ѣ* встречается только всего в нескольких словах: *муро*, *муровареніе*, *муропомазаніе* и т.п.; буквы же *и-и* хотя встречаются одинаково часто, но начертание *і* проще и в иностранных языках этот звук изображается таким же образом» [Сорокин 1903: 3]. Ссылка на «иностранные языки» кажется весьма показательной. В общественных противостояниях конца XIX - начале XX века различные реформаторские проекты были ориентированы на европейскую традицию. Идея сближения с европейской традицией могла послужить сильным аргументом в пользу выбора варианта *і*, однако,

как мы знаем, реформированная орфография сохранила *и*, а не *i*. То есть, был выбран тот вариант, который поддерживала народная орфографическая традиция.

Возможно, народная орфография повлияла и на выбор нормативного написания приставок на *-с-* и *-з-*. В качестве альтернативы «гротовской» орфографии, предусматривавшей достаточно сложные правила правописания этих приставок, предлагалось два варианта: или независимо от следующего согласного писать во всех приставках букву *-з-*, или же перед глухими использовать букву *-с-*. И хотя первый вариант куда лучше соответствует общим принципам устройства русского правописания, был избран второй вариант, соотносимый с народной орфографической практикой.

4. Институционализация реформы

Если в последней четверти XIX в. демократически настроенные учителя формулировали претензии к современной орфографии (в основном на страницах периодической печати), то в начале XX в. стали появляться различные сообщества и комиссии, занимающиеся улучшением правописания. Так, в начале 1900 г. возникла Орфографическая комиссия при Педагогическом обществе Московского университета. Ее председателем был проф. Р. Ф. Брандт, горячий сторонник идеи демократизации русской орфографии. Одновременно орфографическая реформа обсуждалась и Отделением начального образования того же Педагогического общества. Предложения Московской орфографической комиссии активно обсуждались в разных городах. В Казанском педагогическом обществе [Будде 1904: 1-16] и в Новороссийском университете (см. выше) для этого были даже созданы специальные комиссии. Кроме того, известно о деятельности и других институций, которые обсуждали возможные варианты реформы орфографии. Принципиальное отличие этих институций от всевозможных учительских объединений заключалось в том, что результатом их деятельности были не публицистические документы, а проекты, претендующие на научность и реализуемость [Григорьева 2004: 77-80].

Деятельность этих комиссий превращала реформу из аморфной умозрительной идеи в проект, подлежащий обсуждению Академии наук. Административная инициатива такого обсуждения принадлежала великому князю Константину Константинович Романову, среди должностей которого значилось и президентство в Академии наук, и пост главного начальника военно-учебных заведений. В качестве начальника военно-учебных заведений он обратился в Академию наук с запросом о степени научности и нормативном статусе «гротовской» орфографии. В своем ответе Академия отметила, что книга «Русское правописание» является частным проектом академика Я. К. Грота и не выражает позиции Академии. Результатом инициативы великого

князя стало заседание специально образованной орфографической комиссии (12 апреля 1904 г.), в котором участвовало около 50 человек. Среди них были как представители академической общественности: А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Ф. Брандт и др., так и литераторы — И. Ф. Анненский (в качестве директора Царскосельской гимназии) и П. П. Гнедич. Председательствовал на заседании сам Константин Романов. Это собрание должно было выяснить отношение академической науки к «гrotовскому» правописанию, определить, какой статус имеет этот свод правил, и ответить на вопрос, может ли русское правописание быть устроено иначе. Давая оценку существующей системе, большинство участников ссылались на интересы школы, то есть представители академической науки, как и школьные учителя, видели в орфографической реформе в первую очередь общественный и образовательный проект.

Органом, который должен был заниматься практической реализацией реформы, стала созданная по предложению председателя орфографическая подкомиссия из 7 человек⁶. В апреле 1904 эта подкомиссия провела 6 заседаний, а в декабре еще 4. После революционных событий 1905 г. работа подкомиссии была приостановлена и возобновилась лишь в 1910 году⁷. В 1912 г. было опубликовано «Постановление Орфографической подкомиссии». Основные положения возможной реформы сводились к следующему: исключались буквы «ять», «фита», «i-десятеричное» и «ер» как знак твердости (он должен был использоваться только в функции разделительного знака)⁸, исключалось употребление мягкого знака на конце слова после букв *ж, ш, ч, щ*; употребление буквы *ѣ* признавалось желательным, но не обязательным. После шипящих под ударением предлагалось всегда писать *о* (употребление в этой позиции букв *е* и *ѣ* исключалось). В приставках, оканчивающихся на *з/с*, предлагалось перед глухими согласными писать *с*, а перед звонкими — *з*. Окончание прилагательных мужского рода родительного падежа единственного числа *-аго* должно было замениться на *-ого*. Кроме того, проект предусматривал унификацию правописания окончаний прилагательных в именительном и винительном падежах множественного числа: для всех родов должно было использоваться окончание *-ые/-ие*. Формы *однехъ, однемъ, одними* должны были меняться на унифицированный вариант *одних, одним, одними*; местоимение родительного падежа *ея* — на *ее*. Также были предложены унифицированные правила переноса [Постановления 1912].

⁶ В состав подкомиссии вошли Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, П. Н. Сакулин, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Ф. Брандт. Кандидатами в члены были С. К. Булич, Н. Н. Каринский, Н. К. Кульман.

⁷ На втором этапе деятельности подкомиссии в ее состав входили Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, П. Н. Сакулин, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Е. Корш, К. С. Булич, Н. К. Кульман, В. И. Чернышев, Н. М. Каринский.

⁸ Буква ижица была устранена еще в орфографии Грота.

5. Реализация реформы

Следующий этап истории орфографической реформы — 1917 год. В конце декабря 1916 — начале января 1917 г. в Москве проходил Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы, где звучали доклады патриархов орфографического движения Р. Ф. Брандта и П. Н. Сакулина. Съезд обратился к Академии наук с просьбой помочь в деле проведения реформы. Весной 1917 г. при Академии была образована новая орфографическая комиссия (ее обычно называют Подготовительной), которая должна была заняться подготовкой к ожидаемой обществом реформе. В ее состав вошли А. А. Шахматов, С. Ф. Ольденбург, А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский, Н. К. Никольский. В мае при Академии наук состоялось совместное совещание Подготовительной комиссии 1917 г., Орфографической комиссии 1904-1912 гг., а также представителей педагогической общественности. В большинстве случаев предложения, выработанные этим совещанием, совпадали с предложениями Орфографической комиссии 1904-1912 гг.⁹ При этом не прошли такие предложения упрощения орфографии, как отмена *ь* после шипящих в конце слова и написание *о* после шипящих и *ц* под ударением во всех позициях.

Циркулярами Министерства народного просвещения от 17 мая и 22 июня 1917 г. новая орфография была объявлена основой школьного образования [К вопросу о реформе 1917: 80-82]. При этом всячески подчеркивалась преемственность новой орфографии по отношению к старой. Новое правописание должно было стать обязательным лишь в начальной школе (хотя знакомство учащихся с исключенными буквами предполагалось и там), переучивание старшеклассников и снижение экзаменационных баллов за плохое владение новой орфографией не допускалось. Отдельной проблемой было и то, что буквари, ориентированные на новую орфографию, еще не были напечатаны, поэтому министерский циркуляр рекомендовал при обучении чтению пользоваться старыми букварями, а письму учить в соответствии с новыми правилами [id.: 80]. Однако все эти оговорки не меняли основной сути реформы, и в начале сентября 1917 года русская школа стала преподавать правила новой орфографии.

В этот период появилось довольно большое число работ, в которых разъяснялись принципы нового правописания, высказывались мысли про то, что новая орфография не разрушает язык [Первов 1918]. Отсутствие учебников и государственного принуждения вело к тому, что школа весьма неохотно переходила на новую орфографию:

Советы и предложения Министерства относительно осуществления реформы, — сетовал один из педагогов, — лишены характера категорического

⁹ Постановления совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.

приказания, к чему так привык среднешкольный педагог за многие годы, приняты были лишь к сведению, а не к исполнению правоверными защитниками гротографии, а также и теми, кто органически боится всяких новшеств в своем ближайшем деле [Архангельский 1917: 97].

Провести реформу удалось лишь большевикам. В относящейся к 1930 г. статье «Латинизация русской письменности» А. В. Луначарский воспроизводит свою беседу с В. И. Лениным из которой следует, что для последнего актуальным был сам факт быстрого проведения любых реформ, демонстрирующих разрыв с прежней культурой. «Если мы сейчас не введем необходимые реформы, — говорил Ленин, — это будет очень плохо, ибо в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины» [Луначарский 1930: 22]. При этом, если верить Луначарскому, в будущем Ленин предполагал переход русской письменности на латиницу, но пока, чтобы избежать критики, считал целесообразным взять проект, выработанный комиссией Шахматова: «Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения календаря» [ibid.].

Таким образом, проводя орфографическую реформу, большевики не создали ничего нового. Единственное, что они делали жестко и последовательно, так это запрещали использование старой орфографии. Декрет Наркомпроса от 23 декабря 1917 года (опубликован 30 декабря) предписывал запретить печатать что-либо по старой орфографии с 1-го января 1918 г. [Собрание узаконений и распоряжений 1917: 185-86], то есть на исполнение этого требования было отпущено чуть более суток. Успехи в проведении этого декрета в жизнь были весьма скромными, и 10 октября 1918 г. он был с незначительными изменениями издан уже от имени Совета народных комиссаров [О введении новой орфографии 1918]. Наконец, 14 октября 1918 г. в Известиях ВЦИК (№ 248/512) появилось постановление Высшего совета народного хозяйства «Об изъятии из обращения общих букв русского алфавита в связи с введением новой орфографии» [Григорьева 2004: 295-96]. Этот документ требовал изъятия из наборных касс всех типографий исключенных из употребления букв и запрещал при изготовлении комплектов типографских шрифтов включать туда литеры «ять» и «фиту» (*i* разрешалось использовать только в текстах, набранных латиницей). Это указание так же, как и содержащееся в двух предшествующих декретах требование, чтобы типографии немедленно переходили на новую орфографию, и было тем новым, что большевики внесли в реформу русского правописания. Содержательно их реформа практически не отличалась от программы Шахматова, которую начало реализовывать еще Временное правительство. Именно идея о резком переходе на новую орфографию и ее обязательности отличает боль-

шевистские декреты от постановлений Временного правительства. Приведем написанные более чем 10 лет спустя воспоминания А. В. Луначарского, из которых видно, что большевистские лидеры считали насилие основным фактором успеха орфографической реформы:

Революция [...] шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографию людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им: «Появление каких бы то ни было текстов, напечатанных по старой орфографии, будет считаться уступкой контрреволюции и отсюда будут делаться соответствующие выводы». Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому, к моему и многих других изумлению, с этого дня — в Петербурге, по крайней мере, — не выходило ни одного издания по старой орфографии [Луначарский 1930: 22-23].

Большевистская реформа орфографии была естественным продолжением той полемики о реформе правописания, которая началась еще во второй половине XIX в., но при этом сама идея полемики и свободной дискуссии отвергалась. Нововведения должны были приниматься без всяких возражений и без оглядки на предшествующую традицию. Если предреволюционные споры об орфографической реформе шли в связи с поисками путей социальной модернизации России, то после революции реформированная орфография начинает прочно ассоциироваться с большевизмом и отношение к ней в значительной степени определяется отношением к революционным событиям. Пропаганда старой орфографии стала восприниматься как манифестация нелояльности. Любопытно, что в выходных данных Православного церковного календаря на 1919 год, изданного Высшим церковным советом, имеется следующая информация: «Православный календарь набран по новой орфографии. Так потребовал Отдел по делам печати; только под этим условием им разрешено печатание календаря» [Православный календарь 1918: 24]. Д. С. Лихачев вспоминал, что в дружеском объединении «Космическая академия наук» он сделал шуточный доклад «об утраченных преимуществах старой орфографии и получил кафедру старой орфографии, или, как вариант — кафедру меланхолической филологии» [Лихачев 1995: 137], за что и был в 1928 г. арестован. Орфографическое противопоставление старой и новой России привело к тому, что в эмигрантских изданиях старая орфография сохранялась вплоть до второй половины XX века.

Сложилась парадоксальная ситуация. В ходе предреволюционных дискуссий «гротовскую» орфографию обвиняли в чрезмерной нормативности, затрудняющей ее усвоение. Однако реформированная орфография практи-

чески сразу стала общеобязательной, не допускающей изменений. Наиболее последовательно это реализовалось во время кампании по ликвидации неграмотности. Понятно, что все учебные пособия, созданные в рамках этой кампании, были ориентированы на новую орфографию. И это вполне закономерно. При этом «ликвидаторы» неграмотности воспринимали новый свод правил как догму, нарушение которой невозможно. Выше уже упоминались предложения дореволюционных педагогов использовать то время, которое тратится на изучение орфографии, на что-нибудь более полезное. Теперь же усвоение навыков грамотного письма стало восприниматься как нечто абсолютно обязательное. В частности, произошел уход от свободной пунктуации и закрепление за пунктуационными правилами нормативного характера. В большевистском варианте «упрощенная», «общедоступная», «народная» орфографическая норма превратились в куда более жесткую систему, чем дореволюционная.

Библиография

- ARHANGEL'SKIĬ, N. (1917), *Novoe pravopisanie v škole*, [v:] *Rodnoj âzyk v škole*, 1917, № 2-3 [АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Н. (1917), *Новое правописание в школе*, [в:] *Родной язык в школе*, 1917, № 2-3].
- BALAŠOV, E. M. (2003), *Škola v rossijskom obšestve 1917-1927 gg.: stanovlenie «novogo čeloveka»*, Sankt-Peterburg [БАЛАШОВ, Е. М. (2003), *Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: становление «нового человека»*, Санкт-Петербург].
- BOGORODICKIĬ, V. (1901), *Izučenie malogramotnyh napisanij*, Kazan' [БОГОРОДИЦКИЙ, В. (1901), *Изучение малограмотных написаний*, Казань].
- BUDDE, E. F. (1904), *Očerok istorii vzniknoveniâ, razvitiâ i deâtel'nosti komissii, Obrazovannoj kazanskim pedagogičeskim obšestvom*, [v:] *Trudy iprotokoly Pedagogičeskogo obšestva, sostoâšego pri Kazanskom universitete*, Kazan', s 1-16 [БУДДЕ, Е. Ф. (1904), *Очерк истории возникновения, развития и деятельности комиссии, образованной Казанским педагогическим обществом*, [в:] *Труды и протоколы Педагогического общества, состоящего при Казанском университете*, Казань, с. 1-16].
- VOEVODSKIĬ, L. F. (1898), *Opyt" uprošen'â russkago pravopisan'â*, Odessa [ВОЕВОДСКИЙ, Л. Ф. (1898), *Опыт упрощения русского правописания*, Одесса].
- GERASIMOV, A. G. (1901), *Podarok neizgnannogo neba «rožok-sam-gudok» ili novyâ pesni, novyâreči, novaâ gramota*. Sočinenie A. G. Gerasimova, pomošnika klassnyh nastavnikov Moskovskogo real'nogo učiliša, Moskva [ГЕРАСИМОВ, А. Г. (1901), *Подарок неизгнанного неба «рожок-сам-гудок» или новые песни, новые речи, новая грамота*. Сочинение А. Г. Герасимова, помощника классных наставников Московского реального училища, Москва].
- GOLOS UČITELĀ (1914) — *Golos učitelâ (Iz učitel'skih pisem)*, [v:] *Dlâ narodnogo učitelâ*, 1914. № 3 [ГОЛОС УЧИТЕЛЯ (1914) — *Голос учителя (Из учительских писем)*, [в:] *Для народного учителя*, 1914. № 3].
- GRIGOR'eva, T. N. (2004), *Tri veka russkoj orfografii*, Krasnoârsk [ГРИГОРЬЕВА, Т. Н. (2004), *Три века русской орфографии*, Красноярск].
- GRIC, T. / TRENIN, V. / NIKITIN, M. (2001), *Slovesnost' i kommerciâ. Knižnâ lavka A. F. Smirdina*, Moskva [ГРИЦ, Т. / ТРЕНИН, В. / НИКИТИН, М. (2001), *Словесность и коммерция. Книжная лавка А. Ф. Смирдина*, Москва].

- DOKLAD (1902) — Doklad Komissii po uprošeniû russkogo pravopisaniâ. Novorossijsk, <1902>. Na pravah rukopisi [Доклад (1902) — Доклад Комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск, <1902>. На правах рукописи].
- EZERSKIJ, F. V. (1914), Narodnaâ ruskaâ azbuka, Sankt-Peterburg [ЕЗЕРСКИЙ, Ф. В. (1914), Народная русская азбука, Санкт-Петербург].
- ИЕРОПОЛ'СКИJ, К. (1916), К вопросу о упрошении russkogo pravopisaniâ, Har'kov [ИЕРОПОЛЬСКИЙ, К. (1916), К вопросу о упрощении русского правописания, Харьков].
- ЈОКОЌМА, О. (2014), Pis'ma russkih krest'ân. Teksty i konteksty, tom II, Moskva [ЈОКОЯМА, О. (2014), Письма русских крестьян. Тексты и контексты, том II, Москва].
- К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ (1917) — К вопросу о reforme pravopisaniâ, [v:] Rodnoj âzyk v škole 1917, № 2-3, с. 80-82 [К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ (1917) — К вопросу о реформе правописания, [в:] Родной язык в школе 1917, № 2-3, с. 80-82].
- KORŠ, F. E. (1902), O russkom pravopisanii, [v:] Izvestiâ otdeleniâ russkogo âzyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, T. 7. Kn. 1-2, Sankt-Peterburg [КОРШ, Ф. Е. (1902), О русском правописании, [в:] Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, Т. 7. Кн. 1-2, Санкт-Петербург].
- KRAVECKIJ, A. G. (2013), Peterburgskie poliglotty konca XIX veka, , [v:] Lingvističeskoe istočnikovedenie i istoriâ russkogo literaturnogo âzyka 2012-2013, Moskva, s. 240-259 [КРАВЕЦКИЙ, А. Г. (2013), Петербургские полиглоты конца XIX века, [в:] Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2012-2013, Москва, с. 240-259].
- LAVROV, I. (1908), Трупоѕжигание i krematorii, Moskva [ЛАВРОВ, И. (1908), Трупоѕжигание и крематории, Москва].
- ЛИНАЧЕВ, D. S. (1995), Vospominaniâ, Sankt-Peterburg [ЛИХАЧЕВ, Д. С. (1995), Воспоминания, Санкт-Петербург].
- LUNAČARSKIJ, A. V. (1930), Latinizaciâ russkoj pis'mennosti, [v:] Kul'tura i pis'mennost' vostoka, Kn. 6, Baku [ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (1930), Латинизация русской письменности, [в:] Культура и письменность востока, Кн. 6, Баку].
- MIRONOSICKIJ, P. P. (1917), V zašitu rodnoj pis'mennosti (Po povodu meropriâtij k uprošeniû rodного pravopisaniâ) <1917>, Petrograd [МИРОНОСИЦКИЙ, П. П. (1917), В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению родного правописания) <1917>, Петроград].
- МИХАЙЛОВ, A. V. (1911), Opyt vvedeniâ v izučenie russkogo literaturnogo âzyka i pis'ma, Varšava [МИХАЙЛОВ, А. В. (1911), Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма, Варшава].
- NEDELÂ (1895) — Musornye bukvy, [v:] Nedelâ, 1895, № 47 (19 noâbrâ), stlb. 1494-1495 [НЕДЕЛЯ (1895) — Мусорные буквы, [в:] Неделя, 1895, № 47 (19 ноября), стлб. 1494-1495].
- NIKOLAEV, B. (1918), V zašitu russkoj pis'mennoj reči. Po povodu uprošeniâ russkogo pravopisaniâ, Petrograd [НИКОЛАЕВ, Б. (1918), В защиту русской письменной речи. По поводу упрощения русского правописания, Петроград].
- O VVEDENII NOVOJ ORFOGRAFIJ (1918) — Dekret Soveta narodnyh komissarov «O vvedenii novoj orfografii», [v:] Sobranie uzakonenij i rasporeženij rabočego i krest'ânskogo pravitel'stva, 17 oktâbrâ 1918 g. [О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ОРФОГРАФИИ (1918) — Декрет Совета народных комиссаров «О введении новой орфографии», [в:] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, 17 октября 1918 г. Отдел 1. № 74].
- PERVOV, P. D. (1918), Uprošenie russkogo pravopisaniâ, Moskva [ПЕРВОВ, П. Д. (1918), Упрощение русского правописания, Москва].

- PLETNEVA, A. A. (2013), *Lubočnaâ Bibliâ: âzyk i tekst*, Moskva [ПЛЕТНЕВА, А. А. (2013), *Лубочная Библия: язык и текст*, Москва].
- PLETNEVA, A. A. (2016), *Lubočnye perepečatki gazet: k voprosu ob orfografičeskom edinstve lubočnoj pis'mennosti*, [v:] *Russkij âzyk v naučnom osvešeniï (v pečati)* [ПЛЕТНЕВА, А. А. (2016), *Лубочные перепечатки газет: к вопросу об орфографическом единстве лубочной письменности*, [в:] *Русский язык в научном освещении (в печати)*].
- POSTANOVLENIÂ (1912) — *Postanovleniâ orfografičeskoj podkomissii, Sankt-Peterburg* [ПОСТАНОВЛЕНИЯ (1912) — *Постановления орфографической подкомиссии, Санкт-Петербург*].
- PRAVOSLAVNYJ KALENDAR' (1918) — *Pravoslavnyj kalendar' na 1919 g. 7427-7428 ot sotvorenîa mira. God 5-j. Izdanie Vysšego cerkovnogo soveta. Moskva* [ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ (1918) — *Православный календарь на 1919 г. 7427-7428 от сотворения мира. Год 5-й. Издание Высшего церковного совета. Москва*].
- REZOLÛCI (1914) — *RezolÛcii pâtoj sekcii «O metodah prepodavaniâ v načal'noj škole» o metodah prepodavaniâ v načal'noj škole*, [v:] *Dlâ narodnogo učitelâ, 1914, № 3* [РЕЗОЛЮЦИИ (1914) — *Резолюции пятой секции «О методах преподавания в начальной школе» о методах преподавания в начальной школе*, [в:] *Для народного учителя, 1914, № 3*].
- REJTBLAT, A. I. (2001), *Kak Puškin vyšel v genii*, Moskva, 2001 [РЕЙТБЛАТ, А. И. (2001), *Как Пушкин вышел в гении*, Москва, 2001].
- SAKULIN, P. N. (1905) — *Protokol zasedaniâ komissii po voprosu o russkom pravopisanii, Sankt-Peterburg* [САКУЛИН, П. Н. (1905) — *Протокол заседания комиссии по вопросу о русском правописании, Санкт-Петербург*].
- SOBRANIE UZAKONENIJ I RASPORÂŽENIJ (1917) — *Sobranie uzakonenij i raspôrâženij rabočekrest'ânskogo pravitel'stva, 1917, № 12 (30 dek). Otd. 1. St. 176. S. 185-186* [СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ (1917) — *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1917. № 12 (30 дек). Оtd. 1. Ст. 176. С. 185-186*].
- SOROKIN, K. A. (1903), *Uprošennaâ russkaâ azbuka i pravopisanie, Sankt-Peterburg* [СОРОКИН, К. А. (1903), *Упрощенная русская азбука и правописание, Санкт-Петербург*].
- TOLSTOVA, G. A. (2010), *Poluustav v XXI veke (pis'ma Agaŕ'i Lykovej v sobranii Krasnoârskogo kraevedčeskogo muzeâ)*, Krasnoârsk [ТОЛСТОВА, Г. А. (2010), *Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краеведческого музея)*, Красноярск].
- TRUDY I-GO VSEROSSIJSKOGO ŽENSKOGO S"EZDA (1909) — *Trudy I-Go Vserossijskogo ženskogo s"ezda pri Russkom ženskom obšestve v Sankt-Peterburge. 10-16 dekabrà 1908 goda, Sankt-Peterburg* [Труды I-го Всероссийского женского съезда (1909) — *Труды I-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10-16 декабря 1908 года, Санкт-Петербург*].